

Мужун Цинь, повернув голову в сторону, взглянул на него и нажал выключатель. Шторы медленно раздвинулись, открыв взору картину, на которой Мужун Цинь видел, как Ся Юй держит кисть. На полотне был изображён одинокий мальчик, смотрящий на луну. Тени от лунного света падали на землю, создавая атмосферу глубокого одиночества.

Бай Цинцзю никогда не понимал, как эта картина оказалась в руках Мужун Циня. В его памяти она участвовала в конкурсе, заняла третье место и висела в школьной витрине, никому не интересная.

Мужун Цинь произнёс:

— Я купил её. Хочу, чтобы ты сохранил эту картину и больше никому не отдавал.

Бай Цинцзю застыл:

— Откуда ты знаешь, что это моя работа?

— Дурак, внизу есть твоя подпись.

Под картиной была строчка мелких иероглифов. Бай Цинцзю забыл, что оставил своё имя на полотне, и долгое время думал, что это доказательство симпатии Мужун Циня к Ся Юю.

Возможно, пять лет назад Мужун Цинь уже знал, что это его работа, но ничего не сказал.

Мужун Цинь медленно провёл пальцем по поверхности картины:

— Бай Цинцзю, ты должен понять: я давал тебе много шансов. Не потому что ты мне так уж нужен, а просто...

— Я знаю, — слегка улыбнулся Бай Цинцзю. — Скажите, господин Мужун, что мне нужно сделать?

— Нарисуй мне картину.

— Что именно?

Мужун Цинь прищурился, его низкий голос звучал особенно ярко в полумраке склада:

— Меня.

Бай Цинцзю застыл на две минуты:

— Я не умею.

Мужун Цинь сел, держа в руке бокал красного вина, словно зритель, заплативший за представление.

Бай Цинцзю, чувствуя себя скованным, взял кисть. Что рисовать? Как? Что он хочет увидеть?

Он прикусил губу, но спустя полчаса так и не сделал ни одного мазка. Мужун Цинь сказал:

— Если не можешь, приходи завтра.

Бай Цинцзю, чувствуя лёгкое головокружение, медленно опустил кисть. Уходя, он пошатнулся,

и в темноте подвала споткнулся о ногу Мужун Циня, упав прямо в его объятия.

Халат Мужун Циня был завязан, но от резкого движения разошёлся. Бай Цинцзю вдохнул мужской аромат, пытаясь подняться, но волосы его всё больше спутывались, беспорядочно падая на лоб.

Мужун Цинь произнёс:

— Я подозреваю, что ты сделал это нарочно.

— Нет, это не так.

Мужун Цинь поднёс бокал к его губам. Без слов это было приказанием.

Бай Цинцзю слегка приоткрыл рот, запрокинув голову, и красная жидкость потекла по его губам и зубам.

Мужун Цинь вытер уголок его рта, пальцы разжались, и Бай Цинцзю рухнул на пол.

Всё, он опьянел.

Мужун Цинь раздвинул его волосы:

— Вставай, ты отлично играешь. Не боишься, что я...

Бай Цинцзю перевернулся на бок, закрыв глаза. Он слишком устал, и теперь, выпив, мог позволить себе отдохнуть.

Мужун Цинь, глядя на пустой бокал, усмехнулся. В стакане вовсе не было вина. Его «опьянение» было идеально сыграно.

-----

Казалось, прошло не так много времени, как Бай Цинцзю разбудил звонок его телефона. Он хотел ответить, но обнаружил, что окружён тёплой водой, которая окутывала его руки и ноги.

Бай Цинцзю лежал в ванной дома Мужунов. Этот бассейн он знал слишком хорошо. Однажды, играя, он ударился зубами, и кровь хлынула ручьём. Мужун Цинь в ярости разбил ванну и заменил её на новую.

Он медленно открыл глаза, окружённые густым паром. Звонок телефона внезапно прекратился, и он услышал глухой мужской голос:

— Это я. Он здесь, Ся Юй. Ты должен понять: он мой.

Бай Цинцзю, кажется, услышал имя Ся Юя и, опираясь на край ванны, сел:

— Это ты, Сяо Юй?

Мужун Цинь повесил трубку и вошёл в комнату:

— Проснулся?

— Ты... зачем ты взял мой телефон?

Мужун Цинь бросил телефон в сторону:

— Он раздражал.

Бай Цинцзю посмотрел на себя, понимая, что он полностью обнажён, и попытался обнять себя, но сил не хватило:

— Сяо Юй... что он сказал?

— Он спросил, куда делся его глупый брат, который даже сам о себе позаботиться не может. Он хотел, чтобы я отправил тебя обратно, но я отказался.

Бай Цинцзю крепко сжал край ванны:

— Вы поссорились?

— Почему ты так думаешь?

— Если бы нет, зачем бы я вам понадобился.

Мужун Цинь медленно наклонился, глядя на его бледные губы:

— Нет, мы просто соперничаем за одну вещь. Ся Юй готов на всё, чтобы я держался от него подальше. Твой брат куда хитрее тебя.

Бай Цинцзю не понимал, чувствуя лишь тяжесть в голове. Многие вещи в этой временной линии отличались от прошлого, но у него не было времени всё осмыслить.

Палец Мужун Циня коснулся его ключицы, оставляя вмятину. Бай Цинцзю, голодавший несколько дней, был настолько худ, что даже самый откровенный взгляд не мог вызвать интереса.

Бай Цинцзю отвернулся, губы его были сухими:

— Господин Мужун, сейчас я... пожалуй, не смогу...

Мужун Цинь с интересом продолжил движение вниз:

— Почему не сможешь?

— Я... слишком слаб, боюсь, не смогу вас удовлетворить.

— Хм, — Мужун Цинь усмехнулся. — А если я настаиваю?

Бай Цинцзю прикусил губу, не находя слов:

— Тогда... можно ли быть поаккуратнее?

Лицо Мужун Циня мгновенно застыло. Он схватил его за подбородок, поворачивая в разные стороны:

— Бай Цинцзю, кто тебя научил этим словам?

Бай Цинцзю, чувствуя боль, попытался освободиться, но Мужун Цинь схватил его за волосы, подняв лицо:

— Бай Цинцзю, я считал тебя наивным, но ты, оказывается, много знаешь. Скажи, кто тебя научил?

— Кх-кх... — Бай Цинцзю схватил его руку, но не мог её оторвать, лицо его исказилось от боли.

Мужун Цинь наклонился, приблизившись к его лицу, и произнёс с нажимом:

— Скажи мне, ты говорил это кому-то ещё?

— Н-нет.

Только тебе, больше никому.

Мужун Цинь наконец отпустил его, взял полотенце, завернул его и вынес из ванной. Бай Цинцзю всё ещё кашлял, пытаясь прийти в себя, его тонкое горло покраснело от нажима пальцев.

Мужун Цинь бросил его на кровать, отстранив руки:

— Хватит, не двигайся. Дай мне посмотреть: ты воды наглотался?

Бай Цинцзю покачал головой, чувствуя невыразимый дискомфорт.

Мужун Цинь налил ему воды, и он успокоился, лежа неподвижно, положив ладонь на живот. Знакомое чувство охватило его, и Бай Цинцзю почувствовал лёгкое головокружение.

Мужун Цинь накрыл его одеялом, с недовольством сказав:

— Такая неженка, словно беременная женщина.

Бай Цинцзю вздрогнул, крепко схватив одеяло, подавляя панику. Этого не может быть, это просто иллюзия.

Мужун Цинь закрыл дверь и вышел на балкон, допивая оставшуюся половину бутылки вина. Кто-то пьянеет от одного бокала, а кто-то может выпить тысячу и остаться трезвым.

Бай Цинцзю провёл ночь в полусне, а проснувшись, обнаружил себя в боковой комнате. Как и раньше, когда он только приехал в дом Мужунов, он жил здесь. Позже он, не зная стыда, сказал, что боится темноты, и переехал в главную спальню Мужун Циня.

Но даже в те дни, когда они делили одну кровать, Бай Цинцзю никогда не чувствовал, что этот мужчина принадлежит ему.

Мужун Цинь уже был одет и бросил ему комплект одежды:

— Новая, переоденься.

Бай Цинцзю медленно поднялся. Казалось бы, ничего не произошло, но его тело чувствовало себя разбитым.

Мужун Цинь поправил одежду, застёгивая манжеты, и взглянул на стол:

— Забери свои деньги.

Бай Цинцзю молча взял аккуратно сложенные на столе деньги. Тонкая пачка казалась унижительной.

Он собрался уходить. Бай Цинцзю последовал за ним и увидел за дверью Ся Юя, который с раздражением пытался ввести код, словно готов был сломать дверь.

— Сяо Юй, как давно ты здесь?

Ся Юй, стиснув зубы, уставился на Мужун Циня:

— Что ты сделал с моим братом!

Мужун Цинь усмехнулся:

— Гений точных наук, а не может справиться с простым кодовым замком.

— Я... почти справился.

Когда они были вместе, они всегда были настолько яркими, что никто не мог затмить их свет. А Бай Цинцзю всегда оставался в тени, даже не будучи лишним.

Возможно, Мужун Цинь так поступал с ним только для того, чтобы что-то доказать Ся Юю.

Переведены термины согласно глоссарию: Гого → Гого, Господин Мужун → Господин Мужун, Бай Цинцзю → Бай Цинцзю и т.д. Удалены избыточные описания и технический мусор. Сохранена оригинальная структура авторских ремарок.

<http://bllate.org/book/16396/1484971>